

ЭЛЛИС

По звездам

*Sidera inclinant, sed non necessitant*¹.

Эта книга В. Иванова, состоящая из собрания его философских, эстетических и критических опытов, большая часть которых была уже раньше напечатана в форме журнальных статей, подводит существенный итог трудного и сложного пути разносторонних исканий, пройденного им за целые два периода. Собранные вместе, все эти разрозненные статьи, критические опыты и отдельные заметки производят впечатление несравненно большей цельности и стройности. Невзирая на целый ряд частичных контраверз, колебаний и самопротиворечий, в общем без труда улавливается общая нить, основная схема течения идей и созерцаний.

В этой книге автор является нам цельным по мирозерцанию, последовательным по направлению внутреннего тайного пути, хотя и легко различим тот поворотный пункт, тот второй и окончательный аспект его творческого «я», который встал определенной внешней гранью между двумя этапами, между дионисизмом, символизмом и аристократизмом, с одной стороны, и «мистическим реализмом», мифотворчеством и соборностью, с другой. Как бы ни относились мы, лично, к этой книге В. Иванова, с точки зрения совпадения наших субъективных стремлений и путей, как бы ни были различны звезды, определяющие наши гадания, мы с полной готовностью и с чувством самого большого удовлетворения спешим заявить, что после основательного и подробного изучения этой книги (последняя же прежде всего книга, требующая изучения) мы убедились в ее исключительном значении и в ее несоизмеримой ценности рядом со всеми вышедшими за последнее время русскими исследованиями, касающимися последних

и сокровенных вопросов искусства, мистики и, скажем намеренно внешне, вопросов религиозной культуры вообще.

Мы скажем более: если отметить, что главной ценностью этой книги В. Иванова является одновременное, дружное пользование двумя методами (научным и внутренне экстатическим), то придется признать, что в настоящее время в России едва ли кто-либо в состоянии владеть одновременно этими двумя методами, кроме В. Иванова и такого единственного и изумительно-прозорливого разгадчика великих тайн классической культуры, как профессор Зелинский. В сущности сейчас только у них двоих, несмотря на всю разницу их самых общих выводов, в их попытках взаимно переоценить древний мир и наш оказывается глубоко воспринятым титанический переворот, созданный Ф. Ницше, как в филологии (разумеемой в расширенном смысле термина) в частности, так и вообще в самом основном определении и осознании эллинизма со всем неисчерпаемым и вечным *общекультурным* значением этого термина, становящегося лозунгом*.

Книга Иванова — одна из тех редких (все более и более редких) в наше время академического эклектизма и «декадентского» импрессионизма книг, которые и глубоко волнуют, и учат размышлять. Пусть мы часто не согласны с самыми основными посылками и выводами автора, пусть очень часто он оскорбляет нас, низвергая с пьедестала наших кумиров, пусть нам ясно видны, как на дне глубокой воды, противоречия его концепций, мы не можем не приветствовать появление книги, которая среди груды книг, равно лишенных как всяких недостатков, так и всяких достоинств, выделяется именно тем, что отмечена самыми значительными достоинствами и недостатками. Нам никогда до сих пор не приходилось высказывать своего суждения о теоретических воззрениях В. Иванова в целом, отвлекаясь от случайных и всегда частичных приговоров полемики литературного дня²; только теперь, с выходом книги, подводящей итоги, это становится для нас возможным. Сначала нам хотелось бы отметить самые существенные и бесспорные достоинства этого дерзкого, страстного и пока еще ужасно одинокого скитания поэта-мистика по тому пути, указуемому созвездиями, на котором не знают роковых

* В этом отношении особенно ценна, по своему чувству античности и по глубокой, синтетической интуиции, статья, озаглавленная «Древний ужас» и проникающая в последние мистические глубины культа женственности.

падений, бесповоротных заблуждений и неизбежных уклонений лишь одни «посвященные». Это тот путь, блуждая по которому, должны почитать себя блаженными и обретшими даже и падшие, даже и не дошедшие, ибо пройти его до конца могут лишь знающие тайны всех созвездий и всех чисел...

Прежде чем мы позволим себе сказать что-либо о направлении самого «пути по звездам» поэта-мистика В. Иванова, мы отметим самое большое достоинство, самую высокую добродетель (какая, по нашему мнению, возможна здесь) уже в самом трагизме великого устремления Духа по таинственному, звездному пути. В одном месте своей книги (спорада VI) автор говорит: «Мы почти не знаем наиболее, быть может, положительной по существу из отрицательных по форме заповедей: “Не мимо иди!”» (стр. 363). В этой спораде мерцает намек на ту полузабытую (по мнению автора) христианами добродетель, которую он называет «любовью дерзающей» («*θυμός*» древних) — доблестью «искателей и ночных путников духа»³.

Именно этой «дерзающей любовью» и вдохновлена глубокая, дерзкая и во всем перекликающаяся с последними тайнами духа книга Иванова. В этом мы видим главное достоинство книги. Из него вытекают некоторые другие, также весьма существенные, — самостоятельность методов и выводов, работа над первоисточниками и обусловленное этим отсутствие того духа эклектизма и эпигонизма, который является общей судьбой всех почти работ в наши дни. Весьма существенно отметить, что В. Иванов, если и не первый, *то один из первых* поставил эти вопросы и приступил к их разработке; самостоятельность позиции облегчалась для него в этой работе также и исключительной по объему эрудицией, следы которой в обилии имеются почти на каждой странице книги «По звездам».

Основная причина страстности и дерзновенности исканий Иванова в том, что он органически принадлежит к тому типу мыслителей, для которых бесценна и бесцельна всякая отдельная мысль, каждая группа идей вне иерархической связи с великим общим синтезом их, вне подчинения их тайному мистическому пути, пролегающему из сокровенных сфер сверхличного сознания. Внешняя оценка назовет В. Иванова догматиком, но это будет не верно, ибо никогда ни одному *догматику* не было дано дара вдохнуть жизнь в старые формы, а В. Иванов, бесспорно, владеет даром одним прикосновением одухотворять древние мифы после того, как он аналитически изучил законы их таинственной

кристаллизации. Зато смело можно причислить его к категории мыслителей, противоположной всякому *адогматизму*, т. е. созданию идей безотносительно к основному, единому и последнему «Да», связующему в одно целое конечное звено процесса мышления с целым и органическим принятием последнего утверждения всем живым существом мыслящего. В этом смысле В. Иванов родственно близок таким мыслителям, как Ф. Ницше в Европе, у нас А. Белый и Мережковский, и органически чужд такому, например, созерцателю разрозненных идей, каковым является самобытный, но всегда как бы непроизвольно творящий Лев Шестов.

Поэтому В. Иванов, руководимый гораздо более жаждой решения данной проблемы, чем уяснением себе всего внутреннего мира другого мыслителя, подходит к каждому автору прежде всего с положительной стороны, полу-сознательно не останавливаясь на его недостатках, что столь характерно для мыслителей-критиков типа Шестова. В этом отношении В. Иванов бесконечно ближе и дороже нам! Есть высота мышления, которая покупается только ценою такого цельного искания и такого невольного объединения всех ищущих, если не в сходстве последнего вывода, то в единстве устремления этого искания.

Так, согласно легенде, разные рыцари различным видели Грааль, но все они искали только Грааля и только потому и были рыцарями. Внутренняя религиозность всех исканий Вяч. Иванова сообщает его книжечность, напряженность и особенную значительность. Много новых идей рассеяно им в ней. Есть целые статьи («Древний ужас», «Ты еси»), являющие собой целые циклы новых мыслей и озарений, подкрепленных безукоризненным, специальным анализом сложнейших и загадочнейших явлений, едва уловимых намеков, которыми дышат древние символы и мифы; некоторые из них, как, например, анализ древнего *terror fati*, *εὐσέβεια*⁴, женского единобожия, христианской эзотерической символики полов, обнаруживают в авторе колоссальную, единственную в своем роде эрудицию и огромную последовательность своеобразной логики символизации.

В других главах книги рассеяны счастливые построения, группы мыслей, постановки вопросов и отдельные счастливые мысли; многие из них могли явиться лишь в зависимости от общего направления всей борьбы автора за его мистическое мирозерцание. Среди них особенно интересны соображения, догадки и сопоставления, делаемые автором по поводу античного хора (в трагедии)

и современности (287 стр.), не менее ценны новые воззрения, устанавливаемые им на «Цыган» Пушкина, как на первый этап постепенного процесса преодоления Пушкиным идеи крайнего, антисоциального индивидуализма, последним гармоническим этапом которого, по мнению автора, является «Медный всадник». Проникновенно толкование символизма Леонардовой «Вечери» и вообще понимание Христа как внутреннего мистического пути, что сближает автора с лучшими учениями современной теософии; очень ценны на наш взгляд и сближения парнасизма с декадентством, при противопоставлении их обоим символизму, что дало возможность автору дать блестящий и меткий очерк о Гюисмансе, воплотившем в себе более всех «новых людей» эту роковую антиномию и пережившего весь спектр нового мирозерцания от эстетического солипсизма до католической догмы. Говоря о Гюисмансе, мы хотели бы прибавить, что уже в первом периоде эстетизма и иллюзионизма (впоследствии лишь повторенном и раскрашенном Уайльдом в его «Портрете Дориана Грея») у Гюисманса чувствуется будущий строгий адепт сурового и прекрасного ритуала католической церкви, что уже в его «*À rebours*»⁵ за его «декадентством» проступает католик в той же мере, как в самом современном французском поэтическом языке вняты скрытые, но еще живые звуки и обороты неискоренимо-устойчивой и строгой *latinitas*.

В одной из основных статей книги, озаглавленной «Две стихии в символизме», уже вызвавшей горячую полемику, В. Иванов продолжает развивать, определяя существо символизма, свое противоположение между субъективным иллюзионизмом и символизмом, понимаемым как художественное отображение истинно и объективно сущего. Основные Доводы и выводы этой статьи едва ли противоречат пониманию и толкованию каждого «символиста», отказавшегося от первоначального, условно узкого определения всей необъятной сущности этого течения, как только эстетизма или даже эстетства, как пресловутого, безгранично субъективизма, даже просто как новой маски вечного, как мир, солипсизма.

Однако автор, развивая свои интересные и приемлемые и для нас* положения, погрешил большой запутанностью и даже извра-

* В нашей синтетической статье «Итоги символизма» (см. прошлый № «Весов»)⁶ мы развили подробно наше определение символизма, также далекое от узкого превращения его в иллюзионизм или эстетизм.

щением терминологии, чем надолго сделал непонятным для нас свое учение о символизме и вызвал ряд совершенно справедливых возражений и недоумений со стороны самого тонкого теоретика символизма, А. Белого. Исходя из бесспорного положения: «художник прежде всего должен верить в реальность воплощаемого» (стр. 251), В. Иванов, вооружаясь на искажение великого «принципа верности вещам», т[ак] н[азываемым] «иллюзионизмом» и некоторыми представителями неоромантизма, — постепенно бессознательно подменил понятие иллюзионизма, субъективизма, солипсизма (в эстетическом смысле) таким широким и совершенно не равнозначным термином, как *идеализм*, а самые пустые, капризно-условные и призрачные формы символизма-иллюзионизма назвал «преобразовательным искусством», упуская из виду, что метаморфоза вещей в искусстве может вполне согласоваться с принципом «верности вещам», ибо каждая вещь имеет несколько аспектов и планов, ибо это соглашение и есть норма и метод художественного творчества вообще; о ней именно ведь и говорит Бодлер в своем учении о *correspondences*, именно это согласование и роднит всех лучших представителей символизма с самыми великими художниками мира, с Данте и Гёте.

Смешивая «эмпирический» и «реальный», искажение эмпирического плана вещей с творческим преобразованием (непрерывно преобразованием) чувственно данного, случайного облика вещей [sic!], В. Иванов неизбежно впадает в ряд противоречий, однако вовсе не существенных для основной его схемы.

Первым таким противоречием является толкование знаменитого сонета Бодлера «*Correspondences*», который В. Иванов разрывает на две части, видя в первой части «ознаменовательное», а во второй ложное, «преобразовательное» искусство и забывая (или не видя), что этот сонет Бодлера целен и лишен противоречий уже потому, что вторая часть его (со слов: «*Il est des parfums...*») есть просто ряд частных примеров всех общих положений, развитых им в первой части. Кроме того, мы думаем, что лучшего примера «принципа верности вещам», как все творчество именно Бодлера, невозможно найти во всем современном символизме вместе взятом⁷.

Сам В. Иванов, напротив, говоря о формуле Гёте («*Alles Vergängliche ist nur ein Gleichnis*») ⁸ определенно допускает *преобразование* эмпирической формы *res*, говоря: «К идеалистическому искусству Гёте приближается единственным законным и для реализма равно приемлемым и священным требованием — на-

стойчивым требованием раскрытия и утверждения общего типа в сменяющемся и неустойчивом многообразии явлений...» (стр. 270)*. Равным образом, говоря об учении Платона, он заявляет: «Вспомним, что идеи Платона суть *res*». Но ведь сущность символизма именно в *идео-реализме*, как предлагал его назвать один из его сторонников, но ведь миссия символизма именно в том, чтобы найти гармоническое соответствие между реализмом и старым романтизмом, погибшим от иллюзионизма и догмата; в сокровенном искании своем современный символизм потому и раздробляет догматику и эмпирику, что он *идео-реализм*, что он одинаково чужд обеим этим формам, из которых одна еще не пробудилась к бытию, а другая уже мертва; ведь в последних выводах лишь символизм приводит к теургии, практическому оккультизму и магии и лишь потому, что он в иных формах искони облакал их всесторонне и был их орудием, их периферией и в то же время и самой сокровенной их сигнализацией⁹. Здесь позволительно задать вопрос, случайно ли значительное количество совпадений между этими обычно внешне разделяемыми областями? Случайно ли идея Маллармэ о символическом языке поэтов, как о сокровенном, жреческом, закрытом для толпы, совпадает с методом пантаклей древних «посвященных»; доктрина Э. По о земном, как об отраженном небесном — с первым положением «Изумрудной скрижали»¹⁰; учение Бодлера о *correspondences* — во многом с главным методом теоретической магии, с «методом аналогий»? Личные судьбы всех «отцов символизма» разве не символическое осуществление эзотерического учения о пути? Наконец, история современного символизма есть постепенное нахождение равновесия между глухим и слепым реализмом (эмпирическим) недавнего прошлого и смутным стремлением возродить романтический субъективизм начала прошлого столетия.

Но не будем спорить о словах. Мы вполне присоединяемся к лозунгу В. Иванова «*a realibus ad realiora*», но, ритмически восходя по ступеням, ведущим к несказанному *ens realissimum*¹¹, мы знаем, что с каждой ноной ступенью мы ближе и ближе к царству действительно-сущих (по Иванову, «реальных»), бессмертных образов и идей и все дальше и дальше от чувственно-эмпирической реальности, что наше восхождение есть не искажение физически-

* Не есть ли это «раскрытие и утверждение» общего в случайном, единого в многообразном, именно преобразование?

данного, низшего мира, а раскрытие в нем новых доселе незримых аспектов и планов; говоря языком теософии, наше восхождение есть переход от низшего физического идеала к астральному и ментальному, на котором созерцание подлежит уже иным законам и на котором все прежние «реальности» окажутся «призраками». Путь же этого восхождения бесконечен!

«Рай» Данте и конец «Фауста» (II части) — лучшее, что есть в мировой сокровищнице мистической поэзии — являются художественно-символическим изображением именно этого восхождения *arealibus ad realiora*, но и у Данте и у Гёте это восхождение вместе с тем есть и универсальная метаморфоза всего сущего, т. е. именно преобразование, а не подражание (*μίμησις*).

Мы думаем, что эта гибельная спутанность терминов у В. Иванова не случайна, а очень характерна для него вообще. Она вытекает из самого основного недостатка его способа творить и запечатлеть свою мысль.

Касаясь вопросов столь последних и сокровенных, что каждая ничтожная неточность стиля превращается в серьезную преграду и антиномию, В. Иванов страдает, и очень часто, самыми существенными недостатками стиля. Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров какой-то особенной зазубренности, шероховатости, торжественно-риторической прозаичности и невероятно ненужной уснащенности терминами этого стиля. На стр. 119 мы читаем: «Мистический анархизм принадлежит к той области исканий, которую можно было бы назвать *одегетикой*, т. е. субординируется под родовое понятие философствования о путях (не целях) свободы».

Или на странице, где автор пытается дать определение мистического анархизма, находится следующий набор слов: «Внешнею формой соборной связи... были бы общины-союзы мистического избрания по сродству взаимно угаданного их членами друг в друге последнего “Да” и “Так да будет”, погребенного в их последнем Молчании. Когда эти общины обретут и назовут Имя, их связавшее, пусть они и отшатнутся одна от другой, и пусть будет между ними рознь и разделение. Ибо равно не приемлется мир; и есть изгоняющие бесов рабства и сна духовным именем Божиим, и есть изгоняющие именем Вельзевула. И великой правде надлежит исполниться...»

«Сверх-рациональный разум», «оксиморность», «реалиоризм», «умопостигаемая бесхарактерность», «планетарность», «мистиче-

ский энергетизм», «женское единобожие», «пол, возведенный в абсолют» и масса подобных ненужно-громоздких терминов пестрит немилосердно каждую страницу книги В. Иванова. Эта запутанность в терминах часто рождает многосмысленную неустойчивость стиля, а последняя отчасти отражает, отчасти создает смещение самых планов в концепциях, искажает перспективу созерцания. Ведь именно эта самая запутанность терминов дала повод некоторым критикам, и мне в том числе, возложить на В. Иванова значительную долю ответственности за тот нелепый бред, который под этикеткой «мистического анархизма» несли адепты его, вроде Г. Чулкова. Между тем, при систематическом изучении всей этой книги Иванова ясно видна исключительно терминологическая связь автора с тем бредом, который к нему был прицеплен*.

Но спорить о терминах — вести ненужную и бесплодную *λογομάχη*!..¹² Гораздо существеннее скрытая за путаницей терминов перспективная неточность. Она особенно заметна там, где В. Иванов, с чисто старопрофессорской, наивной и кабинетной теоретичностью, вполне искренне и серьезноначинает распространять свои абстрактнейшие схемы на современную или ближайшую, будущую, жизненную, действительность. Здесь его покидает самое элементарное чувство меры и получаются чудовищно-странные выводы. Примером этого пусть послужит приведенная выше цитата о «мистических общинах» будущего.

Конечно, все формы реализации мистических идеалов В. Иванова *plusquamfuturum*, но, к сожалению, он не всегда ясно подчеркивает это. Отсюда недоумения, вызванные его знаменитой фразой, заканчивающей одну из самых парадоксальных и вообще слабых статей его «О веселом ремесле и умном веселии»: «Тогда встретится наш художник и наш народ. Страна покроется оркестрами и фимелами, где будет плясать хоровод, где в действе трагедии или комедии** народного дифирамба или народной мистерии воскреснет истинное мифотворчество, где самая свобода найдет очаги безусловного, беспримесного, непосредственного самоутверждения, ибо хоры будут подлинным выражением и голосом народной воли» (стр. 246).

* «Термин “мистический анархизм”, впервые употребленный Георгием Чулковым... несомненно меткий и выразительный, и потому позволительно принять его...» (стр. 115). Вот, в сущности, и вся чисто-терминологическая связь их!

** Мы полагаем, что, несомненно, комедии.

Поющая хором Государственная Дума среди таящихся в недрах Молчания мистических общин — вот нелепый образ, невольно возникающей в мозгу просто оттого, что автором в его прогнозе опущен вопрос о перспективе во времени.

Вопрос о конечной реализации мистических идеалов немногих прозревших в наши дни — вопрос многих тысячелетий, вопрос об эволюции целых рас, стоящей в связи с эволюцией планетных систем; конечно, торжество сверх-индивидуализма, достижение конечной гармонии личности и соборности, создание из человечества единой гармонически и свободно организованной личности — вопрос завершения развития, быть может, всей вселенной, в которой вся наша планета лишь один миг; кроме того, эти все вопросы органически связаны с вопросами о перевоплощении душ. Одним словом, решение вопросов о конечной мистической реализации — есть вопросы всей сложнейшей системы оккультных наук, и невозможно, почти преступно, ставить и решать эти вопросы, исходя единственно из (хотя бы и прекрасно разработанной) проблемы о эстетике и мистике трагического хора. От эстетического индивидуализма до хора у Иванова — сложная цепь силлогизмов и символов, а от хора до всенародной соборности и сверх-индивидуалистического анархизма — такой гигантский скачок, что при одной мысли о нем невольно становишься безумным! В связи с этим стоит и отсутствие реально-исторического чувства у автора, как бы забывшего, что за Грецией мистов, орфиков и трагиков стояла Греция политическая и экономическая, за Грецией Крейцера, Буркхардта и Ницше — Греция Белоха, Эд. Мейера и Виппера¹³.

Как примирить эти две Греции?.. Но Иванов их нисколько не примиряет. Тот же недостаток и в его воззрениях на первобытную культуру, на быт добрых и свободных дикарей, одним из обыкновений которых было людоедство и отцеубийство, как это доказано точной наукой (Липперт, Морган, Каутский, Вестермарк и др.).

К другим существенным недостаткам автора я отношу склонность к схоластическим построениям и нередкое смешение в одно — интимно-исповеднических экскламаций с философической манерой отвлеченных построений.

Но довольно отдельных замечаний и нападок; все недостатки этой замечательной книги не перевесят каждого из несомненных ее достоинств, столь редкостных в русской литературе.

Это заставляет нас отнести книгу В. Иванова к тем немногим книгам, которые читаются много раз и изучаются, как основные вехи, и в то же время (что особенно важно для нас) к числу книг, которые всего менее книги, ибо в них дышит живая личность их создателя.

Да, воистину эта книга В. Иванова *путь по звездам*.

1909

